

А что в сей родовой росписи написан дед мой родной Марка Алексеевич Федором, что деду моему прозвище Федор, а премое имя Марка.

(Из документа конца XVII в.)

От авторов

В этой маленькой книге мы хотели бы предложить вниманию читателя два тесно связанных между собой этюда, посвященных столь интересному, на наш взгляд, явлению, как средневековая многоименность. Русская полиномия до недавнего времени оставалась малоисследованной, во всяком случае, практически никто не занимался ею как самостоятельной категорией культуры, чего она вполне заслуживает. Непривычным для современного человека оказывается уже то обстоятельство, что от рождения до смерти у одного и того же лица могло накопиться три, четыре, а то и пять именований, и это не считая отчеств и родовых прозваний, причем подобная антропонимическая полифония воспринималась как нечто естественное, желательное и удобное. Каждое из личных имен обслуживало определенную сферу как в жизни своего обладателя, так и в жизни всего социума, а потому любая попытка очертить области их применения оказывается заодно и попыткой увидеть изнутри всю сложность и многогранность мира допетровской Руси.

В первой из глав мы стремились поговорить о некоторых самых общих параметрах бытования

личных имен, иллюстрируя свой рассказ лишь беглым перечислением всяческих примеров. Во второй главе, напротив, мы сосредоточились на одном-единственном эпизоде, разгадка которого требует, впрочем, обращения к достаточно широкой ономастической перспективе. Вся же работа в целом является частью цикла исследований о христианской многоименности, который авторы надеются вскоре заключить большой монографией.

Несколько технических замечаний. Выделение разрядкой в цитатах всегда принадлежит нам. Курсив мы используем для обозначения имени как ономастической единицы. Приводя несколько имен одного и того же лица, мы, вопреки историографической традиции, употребляем знак / (Варфоломей / Сергий, Ярослав / Георгий, Иван / Василий и т. п.), стремясь подчеркнуть тем самым специфические черты русской двуименности, отличающие ее от других традиций полиномии (обсуждение этих различий читатель найдет в первой главе). При обращении к томам «Полного собрания русских летописей» мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее из существующих изданий.

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 18-01-0040: «Феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Общий взгляд на русскую средневековую полиномию

Для всего русского Средневековья едва ли не самым ярким воплощением многоликости человеческого существования стала полиномия — присутствие в жизни одного и того же лица нескольких разных имен, иногда связанных между собою, а подчас и вовсе не соотнесенных друг с другом. Наиболее ярко эта картина запечатлена в антропонимических досье правителей и окружающей их элиты, причем здесь отыщется немало общего у князя Рюриковича, боровшегося за власть в начале XI века, и его отдаленного потомка, восходящего на московский трон в конце XVI столетия. Как кажется, сын крестителя Руси Ярослав / Георгий был бы вполне способен оценить всю тонкость ономастических решений, которые в свое время принимал его прямой потомок Иван / Тит Грозный, назвав младшего из своих сыновей *Дмитрием / Уаром*. Вместе с тем полиномия как таковая на всем протяжении своего существования оставалась явлением гендерно, социально и политически нейтральным — по нескольку имен могло быть у законных государей и спонтанных самозванцев, у князей, купцов и беглых холопов, у знатных вдов и обездоленных полонянок...

Разумеется, система многоименности существенно эволюционировала за те шесть-семь веков, что она полноценно просуществовала на Руси. Однако здесь необходимо отделять изменения в составе ее единиц, наборе употребимых имен от изменений в самих принципах функционирования, протекавших куда медленнее. В этом контексте полиномия, многоименность – термин отнюдь не случайный. В первую очередь в глаза бросается тот факт, что на протяжении всего допетровского времени у человека могло быть два имени, нехристианское и христианское, или два христианских одновременно, однако этим числом дело отнюдь не ограничивалось.

Действительно, уже в XI в. вполне возможна ситуация, когда взрослый христианин на Руси обладает сразу тремя именами. Так, старший из сыновей Владимира Мономаха, одна из интереснейших фигур конца XI – первой половины XII столетия, носил три имени: для летописца он был прежде всего *Мстиславом*, для переписчика заказанного князем Евангелия *Федором*, а для составителя скандинавской саги или автора латиноязычной хроники *(Х)аральдом*. В XVI или XVII в. известно не столь уж малое количество лиц, у которых в миру было по два христианских и одному нехристианскому имени или одно крестильное и два нехристианских.

Иначе говоря, существовало несколько моделей многоименности, которые с легкостью накладывались друг на друга. В самом деле, в XI в. князю, чтобы править на Руси, необходимо было носить родовое имя, связывающее его с чередой предков и предшественников, и потому ему полагалось одно из таких имен, как *Мстислав, Ярополк*,

Владимир или *Ростислав*, поначалу не имевших никакого отношения к церковной традиции, а календарно-церковное имя – *Федор*, *Василий*, *Михаил* и т. п. – у него появлялось при крещении. Кроме того, местное династическое имя, будучи наименование необходимым для демонстрации легитимности власти на этой земле, значило куда меньше для участия в перипетиях общеевропейской (а зачастую и не только европейской) политической жизни – здесь на первый план выступала не его принаследженность к отцовскому роду русских князей, но междинастические связи, приобретенные по материнской линии, а потому естественно, что Мстислав / Федор, сын Владимира Мономаха и урожденной англо-датской принцессы Гиды, обладает еще и именем *Харальд*, связывающим его с дедом по матери, королем Харальдом Годвинсоном, павшим в битве при Гастингсе (1066 г.). Знатный человек XVI столетия мог, как и множество его современников, во вполне официальных и публичных ситуациях зваться нецерковным именем, таким, например, как *Помяс*, в крещении быть *Иваном*, а в большей части документов фигурировать под своим христианским публичным именем *Василий*.

Однако и этой сравнительно простой комбинаторикой, допускающей разные сочетания христианских и нехристианских имен, средневековая полиномия не исчерпывалась. Так, особый сюжет составляют здесь имена иноческие. Местная традиция монашеского пострига относительно рано начинает следовать тем византийским образцам, согласно которым принесение обетов влекло за собой получение нового имени. При этом обычно данная процедура мыслится как тотальная

смена христианского имени и символизирует появление нового человека, во всем, даже в именовании, отличающегося от того мирянина, каковым он был прежде. Однако в русской практике речь, скорее, шла не об утрате первоначальных имен, а о своеобразном наращивании антропонимического досье. Старые именования отнюдь не исчезают полностью из повседневной жизни постриженника – по мирскому крестильному имени он нередко продолжает праздновать свои именини, под христианским публичным (если оно отличалось от крестильного) делать некие имущественные распоряжения, а именем нехристианским зваться в бытовом монастырском обиходе¹. При этом во

¹ Так, в завещании (1556/57 г.) одного из князей Пожарских, принявшего постриг, присутствует, как кажется, полный набор его именований, причем монашеское имя появляется лишь в конце этого перечня: «Во имя отца и сына и святаго духа се яз, раб божии князь Иван Большой Стефан княж Иванов сын Пожарского, нареченный во мнишеском чину Сергии, пишу сию духовную грамоту своим целым умом и разумом...» [Кистерев & Тимошина, 1998: 218 <№ 96, л. 377–377 об.>]. Однако подобное присутствие всех элементов антропонимического досье было, скорее, редкостью. Ср., например, запись чернеца Никодима, архимандрита Антониева-Сийского монастыря, на одном из листов Иконописного подлинника XVII в.: «Сей образец иконника Васки Мамонтова с Шуренги <...> прямое имя Никон, потом чернец Сийского монастыря, иеромонах многогрешный и архимандрит недостойный» ([Кольцова, 2003: 104]; ср.: [Братчикова, 2003: 611]). Никон – это, вне всякого сомнения, имя, полученное

при крещении, которое, как мы видим, осталось при иноке и после пострига. Замечательно, что фигурирует здесь и публичное мирское имя архимандрита *Василий*, причем в уменьшительной форме, тогда как собственно монашеское *Никодим* в этом конкретном тексте отсутствует. Очень выразителен, например, и куда более ранний сюжет, касающийся знаменитого основателя Спасо-Елеазарьева монастыря инока Евфросина Псковского. Его мирское христианское имя *Елеазар* не только зафиксировано в монастырском уставе, но, как нетрудно убедиться, запечателось и в самом названии обители. Непривычность такого рода сохранности исходного, доинческого имени побуждала некоторых исследователей предполагать, что он, принимая великую схиму, вернулся к своему крестильному имени. Гипотезу эту никак нельзя признать убедительной. С одной стороны, в достаточно подробном житии Евфросина о такой перемене имени ничего не сказано, а, с другой стороны, самый обычай возвращения в великой схиме к крестильному имени распространился в России лишь со второй половине XVII в. [Успенский & Успенский, 2017: 124–128 <гл. VIII, § 2>]. В тексте монастырского устава крестильное имя преподобного оценивается как обиходное, а монашеское – как главное: «Изложеніе общежителнаго пребываніа, уставъ обители тресвятительскыя, въ державѣ государей великихъ князей Василія Василіевича и сына его Ioана Василіевича <...> куръ отца старца Ефросина, зовомаго Елизаря» [Иосиф, 1882: 280]. В свою очередь, государев дьяк Иван Цыплятев характеризует себя во вкладной записи следующим образом: «(И)ванъ, Елизаровъ сынъ, Цыплятевъ (приложиль?) в домъ Христову воскресеню и... св... сию

всех сферах жизни новоприобретенное монашеское имя безусловно главенствует, остальные именования существуют как бы на его фоне².

Не будет преувеличением сказать, таким образом, что русская многоименность является собой целый континент, на котором разворачивается множество важнейших культурно-символических

книгу Сборникъ да своему алгилу (sic!) к Олөер. священномученику по своемъ отцѣ и матери и по всемъ роду и племени всемъ. И за меня нынѣ за уздравие инока Еуѳимие Бога молить, а родъ мои весь по сенонику и поминанью за упокой поменать...» [Шляков, 1914: 103]. В распорядительной части он называет себя мирским публичным именем *Иван*, но в здравных молитвах предписывает поминать себя как инока *Евфимия*. Крестильное же имя дьяка, *Елевферий*, в этом тексте присутствует лишь косвенно – Цыплятев называет мученика Елевферию своим небесным покровителем (см. подробнее: [Литвина & Успенский, 2018-б]). Примеров такого рода разнообразных антропонимических комбинаций в текстах, составленных от лица монаха, сохранилось множество.

² Иной раз инок может даже каяться в обилии у него всяческих побочных именований, что, впрочем, не мешает десяткам и сотням его собратьев сокращать их в своей монастырской жизни. Ср. запись первой половины XVI в. на бумажном Евангелии: «Лѣта 7039 <1531> Книга святое Евангеліе, письмо грѣшнаго инока Исаака Бирева, по винѣ грѣховной многими именованыи порекломъ зовомъ: простите въ неключимствѣ. Аминь» [Леонид Кавелин, 1880: 39–40; Леонид Кавелин, 1881: 16–17 <№ 29 (12)>].

практик русского Средневековья, и континент этот до сих пор оставался малоисследованным³.

Известно, однако, что полиномия свойственна множеству традиций. Есть ли в таком случае какие-то особые черты, присущие именно русской многоименности, и почему этот интереснейший феномен (особенно на более поздних этапах своего существования) не так часто привлекал внимание исследователей? Как кажется, ответы на эти вопросы отчасти связаны между собой: ускользающий характер русской средневековой полиномии во многом объясняется спецификой ее природы.

Во-первых, большую часть времени своего существования на Руси система многоименности была явлением чрезвычайно распространенным, но при этом факультативным, необязательным.

---

³ Особенno скромным было внимание, уделявшееся светской христианской двуименности в средневековой Руси, традиции, анализу которой во многом и посвящена настоящая работа. О ней см. подробнее: [Лихачев, 1900; Тупиков, 1903: 75–76; Успенский, 1996; Соловьева, 2002; Соловьева, 2006; Литвина & Успенский, 2006: 175–214; Литвина & Успенский, 2006-а; Успенский, 2017; Литвина & Успенский, 2018; Литвина & Успенский, 2018-а; Литвина & Успенский, 2018-б; Литвина & Успенский, 2018-в; Литвина & Успенский-г]. Упомянем, кроме того, некоторые работы, где светская христианская двуименность так или иначе выделяется как самостоятельное явление: [Морошкин, 1863: 528–529; Харузин, 1899: 170–171; Соловьева, 1999; Эскин, 2000: 144; Иванова, 2008; Шаблова, 2012: 67–70; Эскин, 2013: 10–11, 18–19; Успенский & Успенский, 2017: 74–77, 108–112].

В самом деле, ранний ее этап связан с эпохой крещения страны, когда церковь приходит на Русь с готовым набором имен, не имеющих отношения к местной традиции. Появление нового христианского (календарного) имени сразу оказывается здесь непременным условием вхождения в христианское сообщество, однако прежние имена, как уже упоминалось выше, никуда не деваются. Именно они воплощают в себе вертикальные и горизонтальные связи человека с его родом, семьей и окружением, с миром живых и умерших – они столь же необходимы для жизни в миру, как имена календарные для жизни церковной.

Однако новые христианские имена достаточно быстро могут обрасти собственной семейной и родовой историей и через несколько поколений вполне успешно берут на себя все функции, актуальные для родового мира Руси. В княжеской династии начало этого процесса приходится на последнее десятилетия XI в. – некоторым наследникам правящего рода оказывается вполне достаточно одного, христианского имени. Когда Юрию (Георгию) Долгорукому, например, дают крестильное имя его знаменитого прадеда Ярослава / Георгия Мудрого, то связь новорожденного с миром предков-правителей оказывается полностью обеспечена и манифестируется – она уже не требует дополнительной антропонимической демонстрации, еще одного, нехристианского имени. Между тем другие князья, как и значительная часть их подданных, в течение многих поколений еще остаются обладателями двух имен, крестильного и традиционного, а историк сталкивается с ситуацией, когда в одном и том же источнике в одно и то же время

существуют двуименные и одноименные персонажи⁴.

Впоследствии, к концу XIII в., когда возникает обычай давать ребенку два христианских имени, одно из которых, крестильное, связано с днем его появления на свет, а другое – с семейно-родовыми интенциями, эта новая двуименность также не становится общеобязательной. Будучи распространена решительно во всех социальных слоях древнерусского общества, не имея гендерных ограничений, она, тем не менее, в значительной степени остается делом индивидуального выбора нарекающих. В одной семье у какой-то части детей может быть по одному календарному имени, тогда как у другой – по два, мать может быть двуименной, а дочь – одноименной, или наоборот⁵.

---

⁴ Достаточно вспомнить, например, имена детей Всеволода Большое Гнездо, появившихся на свет в конце XII в. Константин, Юрий, Иван, Борис и Глеб, очевидным образом, не нуждались во вторых, родовых именах, тогда как для Ярослава / Федора, Владимира / Дмитрия и Святослава / Гавриила потребность в них возникла. По два имени было и у некоторых дочерей Всеволода, например, у Сбыславы / Пелагеи и Верхуславы / Анастасии; при этом еще одна дочь князя показана в источниках только под христианским именем Елена [ПСРЛ, I: 421].

⁵ Генеалогия почти любой знатной семьи XVI – первой половины XVII в. позволяет увидеть целый ряд причудливых комбинаций христианской одноименности и двуименности. Так, воевода середины XVI столетия Федор Иванович Татев был обладателем крестильного имени Митрофан, двуименным был и его зять, князь Даниил / Елевферий Ногтев. У жены

Подобная факультативность, придающая отечественной традиции имнаречения особую гибкость и разнообразие семиотических возможностей, делает, на наш взгляд, полиномию одной из интереснейших характеристик русского Средневековья, связанной множеством разнообразных нитей как с духовной, так и с сугубо бытовой стороной жизни человека – она оказывается немаловажной составляющей культа личных патрональных святых, судебного делопроизводства, коммеморативных практик и социально-экономических отношений. Помимо всего прочего, наделение вторыми и третьими именами – это та сфера, где у всех, от государей до холопов, есть возможность

Федора / Митрофана в миру, судя по всему, было одно христианское имя (*Мария*), второе она приобрела лишь в иночестве, сделавшись *Марфой*. Их дочь, выданная замуж за Даниила / Елевферия Ногтева, в миру оставалась одноименной и звалась *Анной* (см. подробнее: [Литвина & Успенский, 2019-а]). Еще одна женщина, вошедшая в семью Ногтевых несколькими десятилетиями ранее, княжна Елецкая, была, напротив, двуименной, и звалась *Ирина / Евфимия*, о чем мы узнаем благодаря духовной грамоте ее мужа, Андрея Васильевича Ногтева, и соответствующей приписке от лица княгини, сделанной на обороте документа [Кистерев & Тимошина, 1998: 87–88, 89 <№ 34>]. У Федора Татева прямых наследников мужского пола не осталось, его племянник Борис Петрович был, по всей видимости, одноименным. Одноименными были и трое внучатых племянников, сыновей Бориса Татева, – они звались *Петр, Федор и Мария*, а вот еще один, Иван / Сергей Борисович, носил два христианских имени в миру.

индивидуального выбора, проявления личной воли и личных предпочтений.

Еще одной, весьма существенной чертой русской полиномии, придающей ей особый семантический потенциал и, с другой стороны, запутывающей исследователя, является довольно непросто устроенное распределение функций между несколькими именами одного и того же человека. Эта дистрибуция порой сбивала с толку не только историков Нового времени, но и заезжих иностранцев-современников, сталкивавшихся воочию с бытовой, а иногда и церковной повседневностью Средневековой Руси. Большинство из них интересующей нас полиномии попросту не замечало, те же, кто оказывался более восприимчив к инокультурной антропонимической практике, говорили о ней как о чем-то диковинном, присущем одним только московитам, приписывали ей некую особую магическую роль и сопоставляли, скорее, с древними обычаями некрещеных народов, нежели с собственной традицией имнаречения. Высказывания об экзотичности русской полиномии выглядят довольно неожиданно в устах людей, которые дома ежедневно соприкасаются с обладателями нескольких имен, да и в поездке окружены соотечественниками, носящими более одного имени⁶.

---

⁶ См., например, сочинение Августина Мейерберга: «...у Москвитян было в обычай проводить целый день имени, каким кто из них называется, в пирожках и попойках. Этот подверженный суеверию народ не расстается с ним и в своих именах: как в древности таинства богослужебных обрядов

Очевидно, что в глазах иностранцев русский обычай не имел ничего общего с тем, к чему они привыкли в Европе. По-видимому, наиболее поражавшей их чертой был тот факт, что они поначалу узнавали одно имя своих русских собеседников, которое было, так сказать, на слуху, употреблялось постоянно и казалось единственным, и лишь потом неожиданно для себя выясняли, что у тех есть какие-то еще, совершенно иные, очень важные, но практически неупотребляемые на публике имена. Таким образом проявлялась для внешнего наблюдателя пресловутая функциональная дистрибуция личных имен.

Иначе говоря, несколько имен одного и того же человека довольно редко выстраивались в перечислительную линейку, употреблялись подряд и

запрещали произносить по-латыни название Рима, почему Валерий Соран (*Soranus*) и должен был по несть такие тяжелые наказания за его огласку, так и многие из Москвитян называются не тем именем, которое наречено кому-нибудь из них при крещении, но другим, которое дают им родители, скрывая прежнее из опасения, чтобы после огласки его не употребляли они его во зло колдуньи для какого-либо злого дела, к пагубе называемого. Так родные братья, князья Юрий и Петр Долгорукие <...> в крещении названы были не Юрием, Петром <...>, а Савоном (*Sawon*) <Софония. – А. Л., Ф. У., Киром...» [Мейерберг, 1874: 186]. При этом товарищем Мейерберга по посольству в Россию был итальянский посланник, который звался *Гораций Вильгельм Кальвуччи*, так что двуименность сама по себе никоим образом не могла быть в дико-винку барону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru